

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО: РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ
И БУДУЩЕМ

И. А. ВАСИЛЬЕВ, С. В. ВОЛКОВА, Н. И. МАЛЫШЕВА,
Е. В. ТИМОШИНА, М. И. ЮДИНА

На юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета состоялась конференция, посвященная обсуждению знаковой темы, организованная совместно с Межрегиональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Ежегодные конференции, проводимые кафедрой теории и истории государства и права, — настоящее событие для научной общественности в России и за рубежом. Для ученых конференция — дискуссионное пространство для обмена идеями, поиска новых путей решения актуальных проблем юридической науки. Замыслом организаторов стало исследование права и государства сквозь призму российской государственности: от прошлого к настоящему,

---

Васильев Илья Александрович — канд. юрид. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет.

Ilyia A. Vasiliev — PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg State University.
E-mail: i.vasilev@spbu.ru.

Волкова Светлана Васильевна — канд. юрид. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет.

Svetlana V. Volkova — PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg State University.
E-mail: s.v.volkova@spbu.ru

Малышева Наталия Ивановна — канд. юрид. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет.

Nataliya I. Malysheva — PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg State University.
E-mail: n.malysheva@spbu.ru

Тимошина Елена Владимировна — д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет.

Elena V. Timoshina — Dr. Sci. in Law, Professor, St. Petersburg State University.
E-mail: e.timoshina@spbu.ru

Юдина Марина Игоревна — канд. юрид. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет.

Marina I. Judina — PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg State University.
E-mail: m.udina@spbu.ru

© Васильев И. А., Волкова С. В., Малышева Н. И., Тимошина Е. В., Юдина М. И., 2018

УДК 340.12/351:94(47)

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu25.2018.108>

от настоящего к будущему. Пленарное заседание было посвящено памяти известного советского и российского правоведа и государствоведа профессора Л. С. Мамута. Панели конференции охватили различную тематику: «Право и государство: проблемы соотношения», «Право и государство: российская модель государственности в исторической ретроспективе», «Современная российская модель государственности: итоги и перспективы». Особого внимания заслуживает работа молодежной панели «Актуальные проблемы правовой политики российского государства».

Конференцию открыла д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права СПбГУ, почетный профессор СПбГУ, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования России *Дженевра Игоревна Луковская*. В конференции приняли участие более 100 человек: представители профессорско-преподавательского состава юридического факультета СПбГУ, ведущих российских научных и образовательных учреждений из Москвы, Казани, Калининграда, Якутска и других городов России, коллеги из университетов Белоруссии, Венгрии, Германии, Италии, Канады, Польши, Сербии, Швеции.

Все на конференции прозвучало около 80 научных докладов и сообщений.

С докладами самой разнообразной тематики выступили зарубежные гости. Например, доктор права, профессор РАНХиГС, член правления Германо-российского форума «Петербургский диалог» *В. Бергман* (Германия) назвал свое выступление «Новые “вызовы” в праве Германии». Доктор юрид. наук, почетный профессор Будапештского университета им. Пазмани *Ч. Варга* (Венгрия) рассуждал на тему «Верховенство права и правовое государство: разные пути соотносимого идеала». Доктор права, почетный профессор Вестфальского университета им. Вильгельма (Мюнстер), главный редактор журнала «*Rechtstheorie*» *В. Кравиц* (Германия) поставил в своем докладе вопрос: где место человека в рамках общей теории права, государства и общества? Доктор права, профессор Университета Лавалья (Квебек) *Б. Мелкевик* (Канада) выступил с докладом на тему «Непримиримая защита автономии права». Доктор права, доцент кафедры истории права юридического факультета Белградского университета *Н. Кршлянин* (Сербия) посвятила свой доклад идее самодержавия в Сербии и России. Совместный доклад на тему «Концептуализация государства М. Вебера: несколько замечаний с точки зрения психологического правового реализма» был подготовлен доктором социологии права, штатным исследователем — профессором права Государственного университета Милана *Э. Фиттипальди* (Италия) и д-ром юрид. наук, профессором СПбГУ *Е. В. Тимошиной*.

Программа конференции отразила широкий спектр обсуждаемой проблематики. В качестве примера можно привести темы докладов и выступлений участников: «Патерналистские черты российской государственности» (*И. Ю. Козлихин*), «Права человека в контексте “петражицианской перспективы”» (*А. В. Поляков*), «Коренные законы и конституция в контексте основных культурно-исторических моделей государства» (*А. В. Ильин*),

«Постклассическая модель государственности» (И. Л. Честнов), «Государство как юридическая конструкция» (Н. В. Разуваев), «Модель российской государственности: территориальное и языковое пространство правового регулирования» (Н. И. Малышева, М. А. Капустина), «Право и государство в контексте постклассической онтологии» (М. В. Байтеева-Ульмер), «Государство как правопорядок и правопорядок без государства» (Н. В. Варламова), «Теория права Юргена Хабермаса и ее потенциал для российской модели государственности» (В. В. Денисенко), «Государственная юридическая политика Российской Федерации в области правового просвещения и бесплатной юридической помощи» (Е. Н. Доброхотова), «Об одной из интерпретаций соотношения государства и права» (С. А. Дробышевский), «Конституционно-связанное» государство и «государственно-связанная» конституция» (К. Н. Княгинин), «Международно-правовой компонент в концепции правового государства» (И. А. Орлова), «Международное право и суверенное государство: проблемы взаимодействия» (Е. А. Петрова), «Модель государственного управления в Российской Федерации на примере сферы оказания государственных услуг в строительстве» (О. А. Романов), «Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция Испании 1931 г.: сравнительный анализ» (Т. А. Алексеева), «Российское государство в призме критической теории государства: постановка проблемы» (Б. В. Назмутдинов), «Динамическая модель мировой юстиции» (С. В. Лонская), «Форма российского государства во второй половине XIX в.» (М. В. Немытина), «Государство в российском правовом архетипе» (А. В. Скоробогатов), «Формирование национальной идеи современной России» (С. В. Павлова), «Идея Святой Руси как основа российской модели государственности» (С. В. Волкова), «Особенности дворянского сословного самоуправления в Юго-Западном крае Российской империи» (О. М. Карамышев), «Патерналистская модель российской государственности: история и современность» (М. И. Юдина), «Эволюция российской модели государственности в ракурсе государственно-церковных отношений» (А. А. Дорская), «Суд как институт государственности и правовой системы в российской истории XVIII — начала XX в.» (Н. Н. Ефремова) и др.

Серьезную информационную поддержку конференции оказал журнал «Известия высших учебных заведений. Правоведение», который по многолетней традиции является одним из организаторов конференций, проводимых кафедрой теории и истории государства и права СПбГУ.

Ниже представлен ряд материалов конференции¹.

* * *

И. Ю. Козлихин². «Патерналистские черты российской государственности». В сборнике статей к 80-летию Л. С. Мамута было сделано не-

---

¹ При подготовке материалов конференции использованы тексты, предоставленные участниками Оргкомитету.

² Козлихин Игорь Юрьевич — д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, заслуженный деятель науки РФ.

сколько критических замечаний, касающихся его концепции государства³. Леонид Соломонович полагал необходимым изменить представления о государстве, сложившиеся в российском общественном сознании, в котором отождествляются государство и бюрократия и противопоставляются обществу и государство. Он призывал воспитывать гражданственность в людях, с тем чтобы они стали ощущать себя частью государства и осознали свою ответственность за его действия. Эта идея, может быть, и прекрасная, но в России не реализуемая. Леонид Соломонович стремился включить Россию в европейскую традицию, однако российская традиция иная. Это видно уже из самих терминов, которые естественно сложились в языках. В европейских языках, исторически связанных с латынью, термин «государство» (*state*) — однокоренной со словом «статус» и не несет никакой эмоциональной нагрузки; русское слово «государство» — однокоренное со словом «господь», что отражает суть дела.

Русскому взгляду на государство свойствен патернализм, т. е. не гражданственность, а «семейственность»: в России правили либо батюшка, либо матушка. В XX и XXI вв. мало что изменилось. В сознании разных слоев населения продолжает жить убеждение, что верховная власть ничем не ограничена: добрая власть неограниченно творит добро, злая — неограниченно творит зло, поэтому столь часты обращения к ней по разным поводам. В XIX — начале XX в. такими обращениями особо отличались Л. Толстой и В. Соловьев. Данная традиция сохранялась и в СССР (например, письма Сталину); существует она и сегодня.

Любая власть стремится соответствовать ожиданиям подвластных, именно это придает ей легитимность, в связи с чем обращения и просьбы нередко удовлетворяются, причем публично. Кому-то это не нравится, но такова реальность. Власть, не соответствующая ожиданиям, теряет легитимность и гибнет. Мы наблюдали подобную ситуацию в нашей истории несколько раз и знаем, чего стоит ожидать.

Е. В. Тимошина⁴, Э. Фиттипальди⁵. «Концептуализация государства М. Вебера: несколько замечаний с точки зрения психологического правового реализма».

1. Конвергенции. Критическая установка Л. Петражицкого по отношению к натуралистическим интерпретациям социальной реальности, практикуемым в классическом социальном знании, позволяет соотнести его размышления с идеями тех ученых, которые в начале XX в. осуществили анти-натуралистический социологический поворот, — прежде всего с социологической концепцией М. Вебера. Концептуальная родственность идей Вебера и Петражицкого просматривается в нескольких аспектах.

³ См., напр.: *Козлихин И. Ю.* Оправдание государства. Некоторые мысли, возникшие во время чтения работ Леонида Соломоновича Мамута // Государство: многомерность восприятия. К 80-летию профессора Л. С. Мамута. М., 2009. С. 11–22.

⁴ *Тимошина Елена Владимировна* — д-р юрид. наук, проф. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ (часть 1 «Конвергенции»).

⁵ *Фиттипальди Эдоардо* — д-р социологии права, доцент, проф. права Государственного университета Милана (Италия) (часть 2 «Взаимные дополнения»).

А. Оба ученых стремились провести разграничение социологического и собственно юридического анализа. По мнению Вебера, для целей *юридического* исследования социальные общности, в том числе государство, следует рассматривать как субъектов прав и обязанностей, совершающих юридически релевантные действия. Коллективные субъекты права как предмет юридического анализа — это *представления* в умах конкретных людей, на которые люди ориентируют свое поведение. В рамках же *социологического* исследования социальные общности, включая государство, предстают как определенный тип поведения отдельных людей, поскольку только они являются субъектами осмысленных действий.

Тот же подход к разграничению социологического и юридического исследования реализуется Петражицким. Государство и иные коллективные субъекты права рассматриваются им как элемент интеллектуального состава правовых эмоций, — как соответствующее субъектное представление, не имеющее иной реальности, кроме ментальной. Как социопсихическая реальность государство представляет собой сложную комбинацию правовых эмоций, мотивационное действие которых обуславливает координированное поведение, вследствие чего возникает проекционное представление о государстве как о надындивидуальной реальности.

Б. Как Петражицкий, так и Вебер исходили из того, что единицей социологического анализа не может являться какая-либо реалистически интерпретируемая социальная тотальность. Подход обоих ученых к интерпретации социальной реальности можно охарактеризовать как *социологический номинализм* — в противоположность социологическому реализму.

В. Как Вебер, так и Петражицкий признают мотивацию существенным признаком социального поведения. Выделяемые Петражицким классы мотивации — *телеологическая* и *самодовлеющая*, или *нормативная*, — соотносятся с *целерациональным* (в основе которого лежит ожидание определенного поведения других людей и использование этого ожидания в качестве условий или средств для достижения рационально поставленной цели) и *ценностно-рациональным* (основанным на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет) типами мотивации в социологии Вебера. Сопоставление теории мотивации Петражицкого с методологическими принципами социологического исследования Вебера позволяет сделать вывод о том, что изучение мотивов поведения является необходимой составной частью социологического метода.

2. Взаимные дополнения. Несмотря на поразительные совпадения позиций Л. Петражицкого и М. Вебера, между их подходами есть различия, которые приобретают особенное значение, когда речь идет о концептуализациях субъективного права, власти, легитимности и государства. В частности, в своей интерпретативной социологии Вебер объединяет психологию и социологию, однако делает это только для того, чтобы отказать от психологизма как такового. Напротив, теория культурных явлений Петражицкого — в интерпретации его ученика Е. Ланде — это многоуровневый подход, в рамках которого придается равное значение как

психологии, так и социологии, поэтому неудивительно, что при объяснении государства Петражицкий фокусируется прежде всего на психической *мотивации*, в то время как Вебер анализирует непосредственно понятие социального *действия*. Кроме того, если Вебер разрабатывает четыре типа мотивационно обусловленного действия, то Петражицкий — только два класса мотивации. Можно выделить и иные различия, но главное, что мы хотели бы показать, — это то, как петражицкианское понятие правовых эмоций может дополнить интерпретативную социологию Вебера, включая и понятие государства.

Дело в том, что Вебер допускает бихевиористскую редукцию прав: у него существует непреодолимый разрыв между правами, с одной стороны, и ценностно-рациональной или аффективной мотивацией — с другой. Достаточно сравнить петражицкианское *право власти* с веберовским понятием *Herrschaft* (господство), которое не концептуализируется им как психический правовой феномен, т. е. ни требование повиновения, ни обязанность повиновения не рассматриваются как обусловленные ценностно-рациональной или аффективной мотивацией. Вследствие этого социолог вынужден вводить пятый вид мотивации, обозначаемый различными терминами: *Legimitätsglaube, -anspruch, -vorstellung* (вера в легитимность, требование/представление легитимности). В отличие от позиции Вебера психологический правовой реализм концептуализирует легитимность как нормативно-правовое явление.

Обобщая различия между позициями Петражицкого и Вебера, можно сделать вывод о том, что если интерпретативная социология хотела бы «пожрать» психологию, то Петражицкий тщательно различает и комбинирует психологический и социологический подходы. Сопоставляя классы мотивации Петражицкого и типы социального действия Вебера, можно сказать, что взаимные ожидания повиновения и властвования — это проявление действия ценностно-рациональной или аффективной мотивации, в то время как «требование легитимности» Вебера представляет собой нечто загадочное и может быть объяснено только при помощи петражицкианского понятия правовой эмоции. Таким образом, понятие нормативной (правовой) мотивации Петражицкого позволяет соединить веберовские понятия права, власти, легитимности и государства. Соответственно, веберовское понятие государства как сообщества, притягающего на монополию осуществления физического насилия в границах определенной территории, следует считать неполной и неточной альтернативой социологическому понятию государства Петражицкого как общности, объединенной верховной социально-служебной властью.

А. В. Ильин⁶. «Коренные законы и конституция в контексте основных культурно-исторических моделей государства». По цивилизационному критерию в истории права можно выделить две основные

---

⁶ Ильин Андрей Витальевич — канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ, почетный работник высшего профессионального образования РФ.

модели: право аграрного общества и право индустриального, урбанистического общества. Системообразующим признаком последнего служит формальное равенство субъектов права. Правовой режим, при котором действительно реализовано такое равенство, является выражением разовитого конституционного строя.

В рамках нормативистского правопонимания основной закон — это та часть комплекса основополагающих правовых норм данного общества, которые объективированы в форме писаного источника права — консолидированного закона или некоторого множества законов, наделенных высшей юридической силой и регулирующих основы государственного устройства (включая фундаментальные основы правового статуса личности).

Древнейшие основные законы, насколько можно судить, не были консолидированными. А главное, при такой сущностной черте права аграрного (доиндустриального) общества, как господство неписаных источников права, основной закон (или, точнее, несистематизированные основные законы) и не мог иметь полностью писаный характер. Конструкция консолидированного основного закона получает зримое воплощение только в период становления индустриального общества, когда прежняя юридическая «алхимия» сменяется «химией» права и ученые стремятся более или менее верно описать в научных понятиях те объективно существующие явления, которые образуют конгломерат юридических норм, принципов, отношений. Идея консолидированного основного закона оформляется в науке и политике в эпоху, когда уже появились ранние конституции. Это создало гносеологические предпосылки для совмещения понятий основного закона и конституции, их синонимичного использования, что явно прослеживается в отечественной традиции. Вплоть до настоящего времени имеет место смешение родового понятия «основной закон» и видового понятия «конституция» в содержательном отношении. Многие черты (признаки) конституции, которые приводятся в научной литературе, являются общими для всех исторических форм основного закона.

В отечественной юриспруденции на рубеже XVIII–XIX вв. на основе западных образцов появились составные термины «фундаментальные законы», «коренные законы» и «основные законы», «конституция». Они выступали конкурирующими синонимами для обозначения акта (или совокупности актов) высшей юридической силы, регулирующих больший или меньший комплекс правоотношений в сфере институциональной организации и осуществления верховной власти в Российской империи.

Если использовать старинный термин «коренной закон» для обозначения формы основного закона в доиндустриальную эпоху, можно сделать вывод, что коренные законы и конституция — это две последовательно сменяющиеся в истории человеческой цивилизации модели главного источника фундаментального права — основного закона. В нормах коренного закона воплощается иерархически структурированное единовластие. Напротив, конституция в буквальном ее значении, как модельная форма основного закона в эпоху стабильной и развитой демократии, должна воплощать в своих нормах исключительно сетевую коллективно-властную

структуру управления. Иначе говоря, в дихотомии исторических типов основного закона коренной закон органически связан с авторитаризмом, а (зрелая) конституция есть торжество парламентского начала.

Подлинное народовластие и конституционная форма основного закона неразрывно связаны. Однако идеал демократии — «*government of the people, by the people, for the people*» — поныне нигде не реализован. Как Россия, так и человечество в целом находятся в начале длительной исторической эпохи укрепления и развития конституционных начал в основных законах, которые все еще носят по большей мере дуалистический характер, сочетая свойства доконституционных коренных законов и собственно конституций.

Т. А. Алексеева⁷. «Конституция РСФСР 1918 г. и Конституция Испанской республики 1931 г.: сравнительный анализ». Первая советская конституция — Конституция РСФСР 1918 г.⁸ — получила широкую известность за рубежом, в том числе она оказала влияние на разработчиков проекта Конституции Второй Республики в Испании, принятой в 1931 г.⁹ и являющейся одним из двух основных юридических источников ныне действующей Конституции 1978 г.

В испанской доктрине принято выделять в системе конституций две части: доктринальную и органическую. Влияние Конституции РСФСР обнаруживается в первой части Конституции 1931 г. (ст. 1–66), закрепляющей принципы взаимоотношения личности, общества и власти, организации государственной власти.

Во Второй Республике в Испании (в отличие от России) новая форма правления была установлена мирным путем после победы республиканцев на муниципальных выборах в апреле 1931 г. Испанская республика столкнулась с серьезными социальными проблемами, в том числе с низким уровнем жизни значительной части населения. Неудивительно, что многие положения Конституции 1931 г. демонстрировали намерение учредителя защищать трудящихся как ранее ущемленную часть населения. Несмотря на критику, высказанную при обсуждении, в Конституции 1931 г. декларировалось: «Испания является демократической республикой трудящихся всех классов» (ст. 1). Влияние нормы, содержащейся в Конституции РСФСР (ст. 10), четко просматривалось. Однако при этом испанский законодатель исходил из принципа народного суверенитета (ч. 2 ст. 1).

Указанное отличие обнаруживает влияние российского опыта «от противного». Оно имело место и при оформлении юридического равенства. В Конституции РСФСР признавались «равные права за гражданами неза-

⁷ Алексеева Татьяна Анатольевна — канд. юрид. наук, проф. кафедры теории и истории права и государства юридического факультета НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

⁸ Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 239–261.

⁹ Конституция Испанской республики от 9 декабря 1931 года / пер. с исп. Т. А. Алексеевой // Алексеева Т. А. История испанской конституции. М., 2011. С. 244–273; Конституция Испанской республики // Конституции буржуазных стран: в 4 т. Т. 2. Средние и малые европейские страны / под ред. А. М. Островской. М.; Л., 1936. С. 349–377.

висимо от их расовой и национальной принадлежности» (ст. 22), однако те, кто не относился к разряду трудящихся (ст. 65), не обладали правом избирать и быть избранными в Советы. В Испании все объявлялись равными перед законом (ст. 2).

Советский опыт по отказу от признания государственной религии был важен для Испании, в которой церковь, как и в России, играла заметную роль во всех сферах жизни общества. В 1931 г. был четко сформулирован принцип: «В Испании нет государственной религии» (ст. 3). В Конституции РСФСР закреплялись гарантии свободы совести: отделение церкви от государства, а школы от церкви, свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды (ст. 13).

Большое влияние Конституции 1918 г. обнаруживается при закреплении прав личности. Прежде всего, это открытая Октябрьской революцией возможность для женщин участвовать в выборах и быть избранными наряду с мужчинами (ст. 64). В Конституции Испании данное право также нашло отражение (ст. 52, 53).

Особое влияние российского акта было заметно при оформлении социальных прав и обязанностей, включая свободу объединения в профсоюзы (ст. 16 Конституции РСФСР, ст. 39 Конституции Испании), обязанности трудиться (соответственно ст. 16 и ст. 46), право на образование (ст. 17 и ст. 48–50) и др.

Однако, обнаруживая значение советского конституционного опыта для испанского учредителя в 1931 г., акцентировавшего внимание на заботе о трудящихся, следует отметить, что в Конституции Испании при этом отсутствовало стремление к умалению прав каких бы то ни было социальных групп. Конституционные положения носили более юридический (а не декларативно-идеологический) характер, закрепляя правовую связь Республики и ее государственных органов, с одной стороны, и трудящихся и всех испанцев — с другой. Примечательно, что в Конституции 1931 г. содержалось немало бланкетных норм, отсылавших к будущим законам, которые должны были обеспечить реализацию норм Основного закона.

А. А. Дорская¹⁰. «Эволюция российской модели государственности в ракурсе государственно-церковных отношений». Государственно-церковные отношения являются важнейшей составляющей развития российской государственности и в силу воспринятой из Византийской империи вместе с христианством идеи «симфонии властей», и в силу того, что Церковь наравне с государством являлась нормотворцем, и в силу того, что кризисы российской государственности всегда сопровождались серьезными кризисами Церкви. Несмотря на то что периода преобладания Церкви над государством в российской истории не было, российская модель государственности существенно менялась под воздействием развития государственно-церковных отношений, в подтверждение чего могут

---

¹⁰ Дорская Александра Андреевна — д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

быть приведены примеры участия религиозных организаций в решении важнейших вопросов государственного строительства и международно-правовых проблем на различных этапах российской истории.

Н. Н. Ефремова¹¹. «Суд как институт государственности и правовой системы в российской истории XVIII — начала XX вв.». Серьезный интерес представляет анализ тенденций развития такой правовой категории и института государственности, как суд. Термин «суд», а также производные от него «судебник», «судья», «судить» и «судный (-ая)» и пр. в русском языке и литературе используются с древнейших времен. Так, первые письменные памятники права содержат его в названиях: «Суд Ярослава» («Русская Правда»), «Закон Судный людем», Новгородская и Псковская Судные грамоты, а позднее и Судебники. Задачей призванного на княжение Рюрика, как отмечается в «Повести временных лет», также было «судить по правде».

Вместе с тем слово «суд» имело несколько юридических значений на протяжении ряда веков, по сути, до начала Великой судебной реформы 1864–1899 г., когда в официальном языке оно стало означать специальный орган для осуществления правосудия или разрешения юридически значимых споров и конфликтов. До этого времени судом называли прежде всего процесс осуществления формального правосудия. Также термин «суд» использовался в качестве синонима одной из форм судебного процесса — состязательной, сосуществующей наряду с «розыском» на протяжении XV–XVIII вв. Говорить о понимании суда как института юстиции, означавшего обобщенное наименование органа, осуществляющего особую функцию государственной власти, направленную на легальное разрешение юридически значимых споров и конфликтов, можно не ранее начала XVIII в., когда такие органы начали обособляться от административных и этот термин использовался в их названиях (например, Надворный суд). Впоследствии эта тенденция закрепилась в ходе судебной реформы 1775–1780 гг. (нижние и верхние земские суды, судебные палаты, совестный суд), хотя использовались и другие, прежние наименования (расправы, магистраты и др.). И только со времени введения в действие Судебных уставов 1864 г. термин «суд» стал пониматься в значении особого субъекта судебной власти, впервые в российской истории обособленной от законодательной и исполнительной при введении независимых общеимперских судебных органов. Этот прогрессивный суд не вполне вписывался в архаичный государственный механизм абсолютной монархии, но означал первый шаг на пути его трансформации в конституционную модель, что позволило современникам назвать новую систему юстиции «судебной республикой». Не преувеличивая достоинств пореформенного суда, нельзя не признать его значения как фактора прогресса самой российской государственности, а вместе с тем и правовой системы. Создание современного законодательства о судостроительстве и судопроизводстве заставило начать

¹¹ Ефремова Надежда Николаевна — канд. юрид. наук, проф., ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН.

обновление материального законодательства, а новые институты юстиции способствовали развитию правосознания, повышению уровня правовой культуры, развитию юридического образования и др.

Н. Кршлянин¹². «Идея самодержавия в Сербии и России». Титул автократора впервые появился в Ромейском царстве (Византии). Сначала он был лишь греческим переводом латинского *imperator*, но вскоре приобрел статус элемента официальной титулатуры правителя и на протяжении большей части своего существования был одним из атрибутов власти царя. В переводе («самодержец») он был заимствован славянскими государствами, воспринявшими традицию Ромейской империи. Опираясь на работу Георгия Острогорского 1935 г. «Автократор и самодержец»¹³, можно исследовать схожие и различные черты в развитии титула самодержца и идеи самодержавия в Сербии и России.

Рассмотрим три этапа в развитии понятия «титул», причем первые два более подробно: начало употребления титула, дальнейшее развитие титула, расхождение путей Сербии и России по данному поводу. Данные этапы в Сербии и России хронологически не совпадают.

Первый этап в Сербии начинается с правления Стефана Первовенчанного, который стал подписываться самодержцем после получения королевского титула в 1217 г. Его отец, великий жупан Стефан Неманя (Святой Симеон), этим титулом не пользовался, но все-таки во многих житиях его называли самодержцем. В России данный титул начал употребляться только после освобождения от монголо-татарского ига и падения Константинополя, со времен Ивана III, однако его так называли только митрополиты; первым, кто назвал себя самодержцем, был царь Федор Иванович. В обоих случаях непосредственно перед введением в употребление титула присутствуют как увеличение фактической силы государства, так и улучшение его формального положения, повышение ранга среди других христианских (православных) стран.

На втором этапе появляется значимое отличие: сербские короли продолжали пользоваться титулом самодержца, но с венчания Стефана Душана на царство в 1346 г. титул употреблялся лишь в греческих грамотах; после падения Сербского царства удельные государи, а потом правители обновленной Сербии (князья и деспоты) стали снова пользоваться им. В России же, наоборот, с венчания Ивана IV царем титул употреблялся все активнее, сначала в письмах зарубежным правителям, а потом и в российских грамотах; частью официальной титулатуры он становится во время правления царя Алексея Михайловича. В Сербии титул самодержца служил прежде всего для того, чтобы подчеркивать независимость там, где не было ее очевидного доказательства, и стал ненужным во время укрепления царства. Российские правители, наоборот, называли себя самодержцами, только подкрепив этот титул реальной силой государства.

---

¹² Кршлянин Нина — д-р права, доцент кафедры истории права юридического факультета Белградского университета (Сербия).

¹³ Острогорски Г. Автократор и самодержца // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1935. Т. 84. С. 95–187.

На третьем этапе в силу обстоятельств, хотя и различных, оба государства отошли от ромейского образца. В России со времен Петра Великого произошел поворот к западным образцам, и слово «самодержавие» постепенно начало отождествляться с понятием «абсолютизм», пока его первоначальный смысл не забылся. Сербское государство попало под власть Османской империи; когда же сербская государственность была, наконец, восстановлена в XIX в., государство больше не опиралось на средневековые традиции, и титул самодержца больше не употреблялся.

С. В. Лонская¹⁴. «Динамическая модель мировой юстиции». Классификация моделей возможна по разным основаниям, но для историко-правовых исследований важно их разделение на статические и динамические — в зависимости от изменения моделируемого объекта во времени. Статическая модель описывает состояние объекта здесь и сейчас, а динамическая — схватывает последовательность событий, дает возможность проследить происходящие в системе процессы, показывает смену состояний объекта во времени. Динамический подход нацелен на выяснение и объяснение траекторий развития объектов. Динамика мировой юстиции в России в самом общем виде показывает, что основные реформы этого института связаны с узловыми точками исторических (примерно 25-летних) временных циклов: 1864–1889–1912–...–1938–...–1991 (1998). Любопытна связь этой линии с волнами Кондратьева: нетрудно заметить, что наиболее радикальные «позитивные», возрождающие реформы мировой юстиции (1864–1912–1991) находятся примерно в середине так называемых «повышательных волн» больших кондратьевских циклов, а «негативные», фактически разрушающие ее, — в середине «понижательных волн» (1889–1938). В истории российской мировой юстиции мы также можем наблюдать и переходы от патриархальной (делающей акцент на примирительных аспектах) к прагматической (опирающейся на представление о мировом суде как суде ограниченной юрисдикции) парадигме (по М. И. Клеандрову — смена векторов от «федерализации» к «автономизации»). Являются ли эти переходы циклическими (склонными чередовать друг друга)? Сможем ли мы заглянуть в будущее и спрогнозировать дальнейшую эволюцию мировой юстиции? Ответы на эти вопросы может дать динамическая модель.

Если в статической модели все элементы и связи постоянны (константны), то в динамической модели обязательно присутствуют переменные — элементы и связи, меняющие значения во времени. Выбор переменных будет задавать и содержание всей динамической модели. Именно прослеживание изменения значений переменных во временных рядах (в исторической хронологии) позволит установить логику изменений состояния всей системы (изучаемого объекта). Значение переменных можно шкалировать различными способами. В исторических исследованиях, например, часто целесообразно использовать бинарную переменную, ко-

¹⁴ Лонская Светлана Владимировна — канд. юрид. наук, доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта.

торая может принимать только два значения — 0 и 1 (отсутствие признака или его наличие; например, мировые судьи — профессиональные юристы или непрофессиональные юристы).

Другой важный шаг на пути построения динамической модели — определение зависимых и независимых переменных, а также экзогенных и эндогенных (внешних и внутренних) параметров (факторов, условий, переменных), которые воздействуют на моделируемый объект (систему). Для мировой юстиции в качестве эндогенных переменных могут быть рассмотрены такие элементы ее системы, как размеры судебных участков, цензовые требования к мировым судьям, объем подсудности и т. п. Как экзогенные переменные могут рассматриваться численность населения судебных участков, нагрузка и т. п. Выбор тех или иных переменных в качестве зависимых и независимых также позволяет увидеть динамику системы: например, при выяснении взаимодействия сословного состава мировых судей с их образовательным уровнем и т. д.

Динамические модели, как правило, математизированы. В юриспруденции такое встретишь нечасто, тогда как юридическая наука тоже обладает соответствующим арсеналом познавательных средств. Однако методы правовой статистики, примененные к историко-правовым эмпирическим данным (историко-правовая статистика), еще по-настоящему не раскрыли свой эвристический потенциал. Именно в динамических моделях это было бы уместнее всего.

Таким образом, обозначены контуры исследовательской программы исторической динамики мировой юстиции, в рамках которой могут ожидать новые научные результаты, расширяющие представления об этом государственно-правовом институте.

М. В. Немытина¹⁵. «Форма российского государства во второй половине XIX в.». Историко-правовая наука традиционно делает акцент на эволюции политических и правовых форм, что с позиций этой области знаний является основой периодизации и ключевым фактором в идентификации тенденций развития общества. Периодизация истории отечественного государства и права вызывает много вопросов, касающихся в том числе и весьма противоречивого периода правления Александра II, в рамках которого одновременно проявлялись элементы кризиса самодержавия, его реформаторские возможности, степень модернизации государственно-правового порядка в результате проведенных сверху реформ.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных судебной реформе 1864 г., в юридической науке по сей день не получили разрешения связанные с ней главные вопросы. Почему российское самодержавие пошло на проведение столь радикальной судебной реформы? Каковы характер и степень влияния этой последовательно-либеральной реформы на устои общественной и государственной жизни России? Каковы отдаленные последствия судебной реформы Александра II в смысле

---

¹⁵ *Немытина Марина Викторовна* — д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов.

ее возможной связи с ограничением и падением российского самодержавия как политической формы?

Еще дореволюционная историография обращала внимание на конституционный характер преобразований, проведенных в России во второй половине XIX в. в сфере суда. Вполне реалистичным представляется замысел правительства Александра II по постепенному внедрению конституционных начал в отечественное право, общество и государство. При этом следует принять во внимание ограниченный реформаторский потенциал самодержавия, которое способно было модернизировать устои правовой, общественной и государственной жизни России до определенного предела, пока не встанет вопрос о ликвидации абсолютной монархии как таковой.

Возникает вопрос: не утратило ли окружение Александра II «инстинкт самосохранения», проводя столь радикальную судебную реформу? Можно предположить, что в период подготовки и принятия Судебных уставов 1864 г. император и его окружение, занятые мыслями о том, как сохранить в неизменном виде существующую форму правления и высшие органы государства, просто недооценили роль суда в обществе и государстве, пойдя на столь радикальную его модернизацию. Весь предшествующий дореформенный опыт построения судеустройства и отправления судопроизводства в России не давал никаких оснований усомниться в том, что суды — это всего лишь часть бюрократического аппарата, которая ничем не отличается от других его звеньев. Поэтому ни Александр II, ни «отцы судебной реформы» поначалу не усматривали в новых судах угрозы существовавшим в России форме правления и режиму.

Однако в ходе реализации судебной реформы сложилась парадоксальная ситуация, когда суд, опережая в своем развитии другие государственные институты самодержавия, вступил с ними в противоречие. Так, провозглашение Уставами 20 ноября 1864 г. независимости суда от администрации и несменяемости судей, подчинение их только закону фактически означали, что император Александр II по собственной воле ограничил свои прерогативы и добровольно отдал часть своих полномочий судам и судьям. Одновременно полномочий в сфере суда лишилась вся администрация сверху донизу по бюрократической лестнице. Поэтому будет справедливым вести речь об ограничении абсолютизма в России во второй половине XIX в., что означало изменение формы правления и политического режима.

А. В. Скоробогатов¹⁶, А. В. Краснов¹⁷. «Государство в российском правовом архетипе». В России сформировалась особая архетипическая модель взаимодействия и взаимного служения в системе «личность — общество — государство». Для этой модели характерно восприятие на-

¹⁶ Скоробогатов Андрей Валерьевич — д-р ист. наук, доцент, проф. кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

¹⁷ Краснов Александр Валерьевич — канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия.

личия у всех членов триады неразрывного единства права и обязанности в едином правовом средстве и долга взаимного служения. Только единение государства, общества и человека гарантирует стабильное позитивное развитие.

Сформировалось устойчивое представление об оправданности подчиненного положения личности, какой бы она ни была, по отношению к государству. Государство в правосознании занимает высшее место в ценностной иерархии, сохраняя сакральные черты как носитель высшей справедливости. Личности отводится подчиненное положение, ей приписывается обязанность служить государству, безоговорочно ставя его интересы выше своих и не задумываясь о возможном ущемлении им прав каждого конкретного человека. Однако речь идет о сакрализации лишь государства и верховной власти, но не подчиненных властей, которые могут быть и несправедливы. Априорным является подчинение и служение лишь той власти, которая реализует справедливый закон.

Таким образом, из сакрального отношения к государству вытекает и архетип отца по отношению к верховной власти. Глава государства (монарх, генеральный секретарь, президент) заботится о своих детях — подданных и отвечает перед высшими силами (Богом, партией, народом) за их благосостояние и процветание.

Н. И. Малышева¹⁸. «Российская модель государственности: соотношение концептуальных построений и практики их осуществления». Теоретически юридическая наука обладает потенциалом для создания различного рода государственно-правовых моделей. Многие века праведы пытались разрабатывать концептуальные модели реализации права, оптимальных взаимоотношений государства, общества, индивидов на основе права и т. п. Однако вряд ли и сегодня юристы обладают необходимым и достаточным для этого методологическим инструментарием.

Зачастую те или иные государственно-правовые модели формируются в историческом пространстве не только сугубо научными методами, но и известным исстари методом проб и ошибок.

Концептуальная модель взаимоотношений государства и индивида представляется одной из наиболее востребованных. Интересно обратиться к одному из ее вариантов в трактовке учения Самуила Пуфендорфа (1632–1694)¹⁹ с учетом практики ее осуществления на российской почве. Данная концепция вполне востребована и сегодня, судя по тексту Конституции РФ, хотя выглядит довольно наивно по меркам постклассики. Согласно Пуфендорфу, государство представляет собой организованное договорное сообщество людей. Индивид вступает в государственный союз по доброй воле и с ясным сознанием того, что государство необходимо для его собственного блага. Пуфендорф выводил обязанности человека соблюдать государственные законы из его разумной природы, его стрем-

---

¹⁸ Малышева Наталия Ивановна — канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

¹⁹ Подробнее см.: Малышева Н. И. Государство и индивид в политико-правовом учении Самуила Пуфендорфа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

ления к самосохранению. Немецкий правовед призывал индивидов к самостоятельности, предлагал им в первую очередь самим позаботиться о себе. В необходимых случаях индивид, являясь членом государственного союза, имеет право обратиться за помощью к государству. По мнению Пуфендорфа, нет необходимости в излишней государственной регламентации жизни индивида и общества, ибо в самом обществе и сознании индивида заложены механизмы саморегуляции, основанные на естественном праве и взаимных правах и обязанностях индивидов, вытекающих в первую очередь из договоров между ними.

Для истории политико-правового развития нашего Отечества характерны различного рода заимствования зарубежных концепций, использование иностранного опыта. Известно, что Петр I был увлечен концепцией Пуфендорфа, правда, отредактировал ее великий российский реформатор в эстетическом ключе. Концепция взаимоотношений государства и индивида в восприятии Петра Великого опиралась на концепцию долга. Но и С. Пуфендорф известен тем, что обязанности для него первичны по отношению к правам. Обратим внимание на то, что царь, по сути, проигнорировал проекты Пуфендорфа по ограничению монархической власти, в первую очередь с помощью законов, обеспечивающих права и свободы граждан.

С использованием в той или иной мере предложенной Пуфендорфом модели взаимоотношений государства и индивида сложились сильно отличающиеся государственно-правовые системы. С одной стороны, наш соотечественник утверждает, что концепция Пуфендорфа на столетия вперед отвела личности русского человека мизерную роль легко заменяемого, а потому и «малоценного винтика в государственном механизме»²⁰. В то же время известно заявление американского президента Калвина Кулиджа о том, что политические труды родившегося в 1632 г. в Саксонии ученого С. Пуфендорфа указали дорогу к свободе американскому народу²¹.

Остается открытым важнейший вопрос: какова степень волюнтаризма в выборе властью той или иной концептуальной модели? В частности, почему издан был труд именно Пуфендорфа? Ведь известно, что в целях популяризации естественно-правовых идей один из соратников Петра I — князь Дмитрий Михайлович Голицын (1665–1737) — по поручению государя организовал работу по переводам целой серии произведений из области естественного права и политики.

Таким образом, теоретизируя о государстве, нужно представлять себе разницу, а порой и пропасть между концептуальными построениями и практикой их осуществления здесь и сейчас. Как писал Л. С. Мамут, сложившийся у субъекта образ государственности, взятой в абстракции (государственность вообще) или в ее конкретно-исторических модифи-

---

²⁰ Романов П. Проблемы отдельно взятой личности. От Петра I до «Хезболлах» // РИА «Новости». URL: <http://ria.ru/authors/20060807/52326595.html> (дата обращения: 21.01.2017).

²¹ Цит. по: *Welzel H. Naturrecht und materiale Gerechtigkeit*. Göttingen, 1960. S. 159.

кациях, сильно отличается от реальных, действительных характеристик последней²².

С. В. Волкова²³. «Идея Святой Руси как основа российской модели государства». Русская политико-правовая мысль с момента своего зарождения в принципе развивалась в русле основных тенденций, господствовавших в то время на Западе, что не исключало и существенных отличий, которые отразились на ее формировании. В первую очередь можно говорить об определенном влиянии церкви на этот процесс. Церковь, хотя на определенных этапах и конкурировала с государством, никогда не приобретала такого влияния и власти, которые у нее были в Западной Европе. Вместе с тем на протяжении многих веков она выступала важнейшей общенациональной объединяющей силой, играя весьма важную роль, во-первых, в борьбе за государственное единство и, во-вторых, в защите национальной независимости.

В конце XV — начале XVI в. наряду с традиционными получают развитие и новые тенденции, благодаря которым начинает формироваться национальная система ценностей и идеалов. В этот период появляются различные произведения, в которых затрагиваются важнейшие проблемы государственной и общественной жизни. При рассмотрении данных проблем нельзя не обратиться к идеям тех авторов, которые и заложили основы национальной системы ценностей и идеалов.

По Нестору, русская история — это борьба добра со злом, вечных добрых начал человеческой души с бесовским соблазном сил зла. Филофей был убежден в том, что только московский князь как благочестивый царь является во всей поднебесной христианским царем. Именно Филофей впервые обозначил крайне важную мысль: Русь должна соответствовать своему высокому, святому именованию. В XVI–XVIII вв. духовные ценности Святой Руси приобретают значение официальной государственной идеологии.

Однако некоторые авторы убеждены в том, что понятие «Святая Русь» появляется в древнерусской литературе еще в былинах и духовных стихах. Русские богатыри и защитники Руси часто называются «светлорусскими», или «святлорусскими». Герои духовных стихов сражаются не просто за родную землю, а за «светлорусскую», за «святлорусскую» землю, а также за веру христианскую. Примечательно, что еще в XI в. митрополит Иларион писал в «Слове о законе и благодати», что Христианская Русь — Новый Израиль.

По мнению известного русского правоведа А. В. Соловьева, к этому времени можно отнести идеалы русских былин и духовных стихов, где представление о Святой Руси доминирует. Основные элементы былин восходят еще к Киевской Руси, а окончательно слагаются в XIV–XV вв. Понятие о Святой Руси — не позднейшие добавления, не вставки, а коренные эле-

---

²² Мамут Л. С. Образ государства как алгоритм политического поведения // Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 89.

²³ Волкова Светлана Васильевна — канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

менты²⁴. Вместе с тем А. В. Соловьев рассматривает идею «Святой Руси» как комплекс религиозных, политических и этических компонентов.

Д. С. Лихачев на вопрос, что такое «Святая Русь», отвечал, что это не вся страна в целом со всем греховным и низким, что в ней всегда было. «Святая Русь» — прежде всего святыни Русской Земли, монастыри, церкви, священство, мощи, иконы, священные сосуды, праведники, святые события истории Руси. Все это как бы объединялось в понятие «Святая Русь», освобождалось от всего греховного, выделялось в нечто неземное и очищенное, получало существование и вне земного, реального и было бессмертно²⁵.

С XVII в. понятие Святой Руси становится элементом народной культуры. Девиз «Боже, храни Святую Русь!» встречался на знаменах ополчения Минина и Пожарского.

В начале XIX в. «Святая Русь» получила второе дыхание. Это было связано как с патриотическим порывом времен наполеоновских войн, так и с публикацией древнерусских былин и духовных стихов. Песня «За Царя, за Русь Святую!» была гимном московского ополчения. К идее Святой Руси в XIX и XX вв. активно обращались славянофилы, почвенники. Эта идея остается актуальной и в настоящее время.

М. И. Юдина²⁶. «Патерналистские черты российской государственности: история и современность». Патернализм в российском общественном правосознании проистекает из теократически-патриархальной традиций русского Средневековья. Православное сознание было глубоко теократично, и в этом главная специфика православного понимания власти. Теократические элементы неизбежно сопутствовали всем средневековым политическим теориям, так как религия пронизывала общественную жизнь той эпохи. Отношение к власти было частью отправления религиозных обязанностей, долга христианина. Уже само по себе это обстоятельство накладывало отпечаток на формирование патерналистского общественного сознания, в том числе правосознания.

Московское государство рассматривало себя как преемника традиций Византии. Поэтому и для общественного сознания того времени примером и образцом государственного устройства была Византийская империя. Кроме того, Московское государство продолжало культивировать восточный деспотизм, заимствованный из Орды, что способствовало окончательному уничтожению вечевого государственности, а следовательно, и элементов демократизма.

Теократически-патриархальное понимание власти нашло отражение в Домострое и способствовало убеждению в богоугодности и обоснован-

---

²⁴ Соловьев А. В. Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи // Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья / авт.-сост. Е. А. Бондарева. М., 2012. С. 238.

²⁵ Лихачев Д. С. Святая Русь // Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X–XX вв. / сост. С. С. Бычков. М., 1992. С. 6–7.

²⁶ Юдина Марина Игоревна — канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

ности патерналистских притязаний монарха. Даже служба государю предполагала отсутствие каких-то условий между сторонами: с одной стороны, подразумевалась безусловная и полная отдача себя, с другой — милость. Служба превращалась в служение. Достоинство служилого человека определялось лишь степенью милости к нему со стороны государя.

Власть в коллективном сознании русского средневековья наделялась чертами святости и истинности. Пред ее лицом отдельный человек подобен капле, вливающейся в море. Отдавая себя, он ничего не требует взамен, кроме права себя отдать, быть управляемым, «послушным» и постоянно опекаемым.

Патернализм, как и этатизм, ориентирует общество на подчинение государственной власти, а не на создание механизмов социального компромисса и учета общественного мнения в процессе принятия государственных решений. В таком обществе доминирует установка «быть как все»: человек не ощущает себя личностью, личность растворяется в общине, коллектив подавляет личность как таковую. Свобода личности заменяется волей — свободой «лишь для себя» и безразличием к чужой свободе, что приводит к беззаконию, произволу и анархии, блокирует всякую индивидуальность и активность людей, так как начинает отождествляться с вседозволенностью. В результате, как только сила государственной власти ослабевает, наступает «смутное время».

Патернализм выступает одновременно и как патерналистское сознание в качестве архетипа общественного сознания, и как элемент менталитета, и как реальная практическая государственная и общественная деятельность (теократически-патриархальный патернализм в государственном управлении, вождизм, социоцентричность русского общества, нигилизм и анархизм).

Сопоставление прошлого и настоящего приводит к неутешительному выводу: в современной России так и не укоренился важнейший элемент гражданского общества — уважение к закону.

Вследствие этого в правосознании сохраняются элементы правового нигилизма и анархизма, иногда сочетающиеся с безграничной верой во всемогущего правителя государства (особенно в условиях экономических, социальных кризисов). Причина тому — подсознательная неуверенность в своих силах, стремление человека жить за счет государственной поддержки и как итог — молчаливое делегирование властям части своих прав.

Поэтому российскому обществу еще предстоит устранить патерналистские начала в отношениях государства с обществом и установить между ними отношения «гражданин — общество — государство».

В. В. Денисенко²⁷. «Теория права Юргена Хабермаса и ее потенциал для российской модели государственности». Дискурсивная этика и теория права связаны с именем немецкого философа Юргена Хабермаса. В современных условиях глобализации и актуальности по-

---

²⁷ Денисенко Владислав Валерьевич — канд. юрид. наук, доцент Воронежского государственного университета.

нимания политической и юридической справедливости эта теория представляется наиболее перспективной. Этика здесь понимается не как нечто данное раз и навсегда, но как то, что может меняться в процессе дискурса. Идея коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса не признает субстанционально-нормативный характер истины. В его понимании истина — коммуникативный процесс, принимающий форму теоретического дискурса, включающего различные уровни аргументации, различающиеся по глубине рефлексии. С позиций такого подхода истинно моральное (нормативно значимое) решение предстает как лишенный субстанциональной основы постоянно меняющийся (и в этом смысле — «принципиально погрешимый») результат социального дискурса. Это означает, что рациональность в концепции Ю. Хабермаса носит не сущностный характер (что как раз было характерно в рамках «Проекта Просвещения»), в соответствии с которым значимость нормы (а применительно к праву — ее общезначимость) задается неизменным, трансцендентальным по своей природе сущностным признаком, а процедурный (коммуникативный) характер.

Ю. Хабермас в работе 1992 г. «Фактичность и значимость» указывает, что «шарниром» между жизненным миром и системой инструментальных отношений должно быть позитивное право. Право не должно сводиться лишь к фактичности, т. е. принудительности, оно должно содержать в себе и значимость, т. е. легитимность. В то же время Ю. Хабермас критически относится к классическому рационализму и развивает постметафизическую концепцию коммуникативного разума, сохраняя понятие «жизненный мир», но преодолевая чрезмерный субъективизм феноменологического подхода.

Таким образом, теория коммуникативной рациональности предлагает обоснование решения важнейшего вопроса современной философии права о соотношении универсального и культурно-специфического в праве на основе объединения противоположных позиций универсализма и партикуляризма. Методологической основой такого решения выступают принципы дополнительности универсальных принципов справедливости, с одной стороны, и ценностей конкретного сообщества — с другой, при нормативном приоритете первого над вторым²⁸. Соотнося их с двумя идеями свободы — индивидуальной автономии (или независимости от принуждения) и коллективной автономии (или демократического самоуправления), — Ю. Хабермас, опираясь на теорию дискурса, показывает, что оба понятия свободы «предполагают» друг друга. Говоря о легитимности как признании субъектом норм общества, следует также отметить труды современного философа Акселя Хоннета, в которых исследуется социальная природа признания²⁹. Хоннет указывает, что основой для формирования общественного порядка всегда является уже имеющаяся общность, существующее на базовом уровне признание. Именно идея дискурса и идея взаимного признания актуальны для современной модели российского государства, так

²⁸ См. об этом: *Апель К. О.* Этноэтика и универсалистская макроэтика: противоречивость или дополнительность? // *Политическая мысль.* 1994. № 4. С. 85.

²⁹ *Honneth A.* Kampf um Anerkennung. Frankfurt a/M., 1994. S. 212.

как в современных условиях глобализации и информационного общества главный вопрос — проблема легитимности власти.

Е. Н. Доброхотова³⁰. «Государственная юридическая политика Российской Федерации в области правового просвещения и бесплатной юридической помощи». Триединство направлений современной государственной юридической политики Российской Федерации выражается в правовом просвещении, правовом информировании и гарантировании бесплатной квалифицированной юридической помощи в свете положений Основ государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г.)³¹ и Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»³².

Необходимо выделить следующие основные проблемы разобщенных инициатив акторов, реализующих мероприятия государственной юридической политики: акторы автономны, различаются степенью и содержанием ресурсной обеспеченности; не сформирован общий ресурс реализации мероприятий; программы мероприятий не согласованы; имеют место параллелизм и дублирование; координация осуществляется только в рамках государственного сектора деятельности.

Ассоциация юристов России (АЮР) является оптимальным координатором деятельности различных акторов, участвующих в реализации государственной юридической политики. Опыт Межрегионального отделения АЮР по Санкт-Петербургу и Ленинградской области по реализации отдельных направлений государственной юридической политики представляется очень важным. Речь идет о мониторинге правоприменения, экспертной поддержке мероприятий, формировании систем государственно-общественного контроля, совершенствовании информационно-правовой деятельности, организации дней бесплатной юридической помощи.

Необходимо сформулировать и проблемы, которые предстоит решать: злоупотребление правом на обращение в государственные органы и организации; некорректность правовой коммуникации; согласование принципов информационной открытости и конфиденциальности при проведении работы по трем направлениям государственной юридической политики.

С. А. Дробышевский³³. «Об одной из интерпретаций соотношения государства и права». Концепция идеала для всех государственно организованных обществ, включая их системы права, должна строиться на идее об обязательных закономерностях функционирования для каждого такого социального организма. Речь идет о необходимых существенных связях, без реализации которых в человеческом поведении любое общество не

---

³⁰ Доброхотова Елена Николаевна — канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры трудового права и охраны труда СПбГУ.

³¹ Российская газета. 2011. 14 июля.

³² СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

³³ Дробышевский Сергей Александрович — д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой истории государства и права Сибирского федерального университета.

сможет прогрессивно развиваться. Таких закономерностей немало. В частности, их реализация предполагает, что люди должны работать, общаться друг с другом, в обществе должен поддерживаться мир, люди должны познавать свое общество и внешнюю среду с помощью наук, главная из которых — политика, включающая юриспруденцию; необходимо использовать научные знания при совершенствовании своего общества, в том числе право. Наконец, во всех обществах люди реализуют на практике присущее им желание жить лучше, формулируя соответствующий идеал и осуществляя его. Их лучшая жизнь предполагает все большее увеличение системы удовлетворяемых потребностей каждого человека.

Нельзя согласиться с мнением, согласно которому западноевропейские народы на протяжении Средневековья желали сохранить существующее положение, а не улучшить собственную жизнь. Наступление Возрождения есть факт, как и то, что люди улучшили свою жизнь сознательными усилиями.

Чтобы с большей вероятностью добиться как можно лучшей жизни людей, целесообразно в каждом государственно организованном обществе сформулировать следующий идеал: это общество должно быть самым передовым в мире, превосходя остальные по уровню профессионализма своих членов, по показателям их здоровья, образованности и общей культуры.

Если все общества будут иметь такие идеалы, то усилится их общение друг с другом. Ведь такого идеала, предполагающего усложнение, обогащение системы удовлетворяемых потребностей каждого человека, можно достичь только тогда, когда во все возрастающих масштабах каждое общество станет использовать выгоды всемирной кооперации таких обществ.

Следствие усиления подобной кооперации — всемирное государственно организованное общество или государство и свойственное ему право. В этом государстве может быть достигнута более широкая система удовлетворяемых потребностей каждого человека, чем существует в государстве, не являющемся мировым. Поэтому стремление людей к лучшей жизни предполагает формулирование еще одного идеала как целесообразного для всех государственно организованных обществ — мирового государства и свойственного ему всемирного права.

При формулировании отечественной модели нужно учесть следующее. Прежде всего, этот идеал должен быть уникальным, отражать специфику нужд российского государственно организованного общества, включая право. Кроме того, такой совершенный образец должен базироваться на двух основаниях: 1) модель превращения российского государства в коллектив профессионалов высшего мирового уровня, члены которого превосходят остальных людей на Земле по уровню здоровья, образования и общей культуры; 2) идеал мирового государства, где действует всемирное право.

С. В. Павлова³⁴. «Формирование национальной идеи современной России». В современных условиях ощущается потребность пере-

³⁴ Павлова Светлана Викторовна — канд. юрид. наук, зам. зав. кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургской юридической академии.

осмыслить роль и значение российского государства, выявить характеристику сильного государства, сильной национально-государственной власти. Понятие государства включает единство материальной и духовной составляющих, поскольку причины социальных трагедий лежат не столько в материальной сфере, сколько в сфере человеческого духа.

Главной составляющей понятия национальной идеи, а также ее основой следует признать духовно-нравственную ориентацию гражданского общества. Именно ее содержание включает систему духовно-нравственных ценностей, определяющих качество культуры общества, в основу которой полагается нравственное начало. Идеология нравственности определяет и зрелость правовой культуры. Только в таком ключе нравственного начала в праве можно говорить о правовом законе и правовом государстве, заданность которого действующей российской конституцией обуславливает научную значимость и практическую востребованность категории национальной идеи.

Действующая Конституция в ч. 1 ст. 1 определяет: Россия есть правовое государство. Это — оценка прежде всего правосознания, которое ищет идею справедливости. Правосознание есть душевно-духовное состояние, которое находится в глубокой и тесной связи с религиозной жизнью индивида и народа. Именно в религиозном сознании содержатся идеи справедливости. Это важный несущий элемент всей державной структуры общества.

Таким образом, идея справедливости воспринимается как нравственная и правовая идея, выражающая необходимость уважения достоинства и прав человека. Правовая и этическая справедливость взаимосвязаны как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Сегодня нам не хватает трактовки государства как организованного единения духовно солидарных людей.

Социально-правовые основания государственной власти (в широком понимании) — это комплекс (система) правовых ценностей общества (полиса, общины, государства), которые цементируют государственный союз. В свою очередь, правовые ценности (понятие справедливости для данного сообщества) определяются духовными ценностями нации, вырабатываемыми духовным сознанием. Особое восприятие вечных истин бытия, понятия справедливости, смысла жизни и назначения человека в рамках самосознания отдельно взятого народа — это его национальная идея. Именно она формирует «лицо» нации, своеобразие народов и государств, выражая нравственно-идеологическое обоснование исторического процесса.

С учетом отечественного исторического опыта и своеобразия, актуальная задача современного обществоведения — предложить обществу объединяющую его национальную идею. Очевидно, что в ее основу полагается духовное осмысление справедливости, определяющее духовно-историческое предназначение народа. Именно национальная идея как фактор государственной стабильности обеспечит формирование заданного российской Конституцией вектора политического развития — право-

вого государства. Всесторонняя модернизация российского общества — *стратегический курс* качественного преобразования всех сторон жизни российского общества. Однако успех перестройки зависит прежде всего от верного определения ее духовной основы. Предложенный духовно-нравственный (культурологический) подход к анализу политико-правовых явлений должен стать главной силой дальнейшего движения на пути совершенствования правосознания во всех его видах.

Е. А. Петрова³⁵. «Международное право и суверенное государство: проблемы взаимодействия». В современном мире эффективность функционирования государства как института управления во многом зависит от того, насколько оно включено в международное общение. Универсальным языком такого общения выступает международное право, но с использованием этого средства коммуникации возникают определенные проблемы.

В частности, это проблема единообразного толкования и применения норм международного права, особенно в отношении общепризнанных принципов и исключений из них: не должно быть двойных стандартов в оценке аналогичных ситуаций (например, когда речь идет о действии принципов неприменения силы, невмешательства во внутренние дела государства, самоопределения народов и т. п.).

Следующая проблема связана с определением места норм международного права в национальной правовой системе. От ее решения зависит, насколько эффективно будут действовать международно-правовые нормы внутри государства, что особенно актуально в свете соблюдения последним международных стандартов в области прав человека.

Наконец, это вытекающая из предыдущей проблема соотношения по юридической силе норм международного и внутригосударственного права; здесь сталкиваются два постулата: выводимый из суверенитета государства принцип верховенства Конституции и выступающий одним из общепризнанных и базовых начал международного права принцип добросовестного соблюдения международных обязательств.

От решения указанных вопросов зависит, насколько эффективным будет взаимодействие государств на основе норм международного права в современном многополярном мире.

О. А. Романов³⁶. «Модель государственного управления в Российской Федерации на примере сферы оказания государственных услуг в строительстве». Показателен разрыв между законодательным регулированием оказания государственных услуг в области строительства и практикой предоставления этих услуг через специальные центры или в электронном виде. Сегодня сложились условия, которые существенно ухудшают доступ инвесторов к государственным услугам по получению

---

³⁵ Петрова Екатерина Алексеевна — канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета.

³⁶ Романов Олег Анатольевич — канд. полит. наук, доцент, эксперт Министерства юстиции РФ.

градостроительного плана земельного участка и разрешения на строительство.

Анализ действующего законодательства в сфере оказания государственных услуг в области строительства позволяет сделать вывод, что в ряде случаев многофункциональные центры (далее — МФЦ) не только не повышают качество обслуживания заявителей посредством сокращения перечня документов и сроков предоставления услуг, но и, наоборот, существенно ухудшают положение таких заявителей.

Позиция Министерства юстиции РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП) основана на понимании, что написанием законов должны заниматься юристы, а не экономисты, как в случае с куратором МФЦ в лице Минэкономразвития. При наличии неплохих законов правоприменение остается ужасным.

Уполномоченные органы исполнительной власти, участвующие в оказании государственных услуг, зачастую предъявляют неправомерные требования о предоставлении различных документов при оказании государственных и муниципальных услуг по запросам заявителей, что противоречит ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»³⁷. Неправомерность требования дополнительных документов обосновывается сложившейся судебной практикой.

И. А. Васильев³⁸. «Образовательные кластеры в модели российской государственности: баланс публичных и частных интересов». Образовательный кластер (далее — ОК) может рассматриваться как особая форма — не модель и не вид — инновационного территориального кластера (далее — ИТК). Формулирование понятия и признаков ИТК состоялось на заседании межведомственной комиссии по технологическому развитию президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России от 29 мая 2013 г. Понятие ИТК — совокупность размещенных на ограниченной территории предприятий и организаций — участников кластера (далее — компании кластера). Признаки ИТК: 1) объединение компаний кластера научно-производственной цепочки в одной или нескольких отраслях (ключевых видах экономической деятельности); 2) механизм координации деятельности и кооперации компаний кластера; 3) синергетический эффект, выраженный в повышении экономической эффективности и результативности деятельности каждой компании кластера за счет высокой степени их концентрации и кооперации.

Отличительный признак ОК — реализация многолинейности взаимосвязанных задач: 1) разработка, управление результатами интеллектуальной деятельности (далее — РИД); 2) производство, продвижение разработанной продукции (т. е. товаров, услуг); 3) управление брендами

³⁷ СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179.

³⁸ *Васильев Илья Александрович* — канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

продукции и их продвижение; 4) подготовка и переподготовка кадров, задействованных в реализации задач 1–3, для компаний кластера.

В образовательном кластере присутствуют как минимум два хозяйствующих субъекта: «компания — бизнес», «компания — образовательная организация». Третий субъект «компания — исследовательская организация» обязательно присутствует, если его функционал в отношении РИД не обеспечивает «компания — образовательная организация».

Видение баланса с позиции публичных интересов фиксируется на бюджетно-фискальном акценте.

Видение баланса с позиции частных интересов акцентируется на особом администрировании. Стратегия инновационного развития России до 2020 г.³⁹ ставит следующие задачи: 1) создание новых моделей взаимодействия предприятий; задача решается при помощи установления налоговых преференций для ОК (на уровне налогов, относящихся к субъектам РФ); 2) повышение конкурентоспособности предприятий; достижение задачи обеспечивается формированием условий для создания и функционирования ОК; 3) поддержка проектов инновационной продукции; решением задачи является развитие механизмов коммерциализации продукции, т. е. товаров, услуг, ОК и привлечение прямых инвестиций.

Таким образом, ОК рассматривается в модели российской государственности преимущественно через призму публичных интересов в качестве меры поддержки инноваций на уровне конкретного региона. Баланс частных и публичных интересов в процессе инновационного развития, обеспечиваемого ОК, опирается на два элемента: особый режим администрирования и особый режим бюджетно-налогового регулирования. Третий перспективный элемент баланса частных и публичных интересов в процессе инновационного развития, обеспечиваемого ОК, — легальный доступ к институционализации государственной промышленной и образовательной политики.

С. Б. Арчegov⁴⁰. «О различиях правового статуса выборных членов Государственного совета Российской империи от академической курии». Помимо основных цензов, необходимых для избрания в Государственный совет (1906–1917 гг.), для представителей от высших научно-учебных учреждений существовал дополнительный ценз: состояние в должности ординарного академика императорской Академии наук либо ординарного профессора одного из императорских российских университетов.

Закон требовал соответствовать этому цензу не только при избрании, но и в период действия депутатского мандата. Правовым основанием для такого воздействия служило требование п. 2 ст. 18 Учреждения Государственной думы о необходимости соответствия депутатского мандата условиям избираемости по ст. 16 Учреждения Государственного совета.

³⁹ СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 216.

⁴⁰ Арчegov Сослан Батразович — адвокат, ассистент кафедры теории и истории государства и права СПбГУ.

Значит, будучи в состоянии такой иерархической подчиненности, депутат от академической курии не мог обладать той независимостью, которая была необходима для успешного выполнения лежащих на нем обязанностей. Иными словами, в законодательстве было заложено основание для непосредственного влияния правительства на депутатов академической курии, в том числе для их фактического отзыва — досрочного прекращения полномочий.

На практике это распространялось только на депутатов, избранных от университетов. Дело в том, что академические звания давались пожизненно, и нормативные акты того времени не предусматривали процедуры исключения из состава Академии наук действительных ее членов. Напротив, власть министра народного просвещения полностью распространялась на профессоров университетов, которых он мог уволить и тем лишить депутатского статуса.

В. В. Суязов⁴¹. «Дисциплинарный суд Императорского Санкт-Петербургского университета в аспекте корпоративного правосудия России». Большой интерес для науки истории права и государства России представляет выявление природы Дисциплинарного суда Санкт-Петербургского университета (далее — Суд), а также установление нормативно-правовых оснований и главных направлений его деятельности с 1902 по 1916 г.

В результате проведенного исследования установлено, что создание дисциплинарного суда представляло собой своеобразный компромисс между интересами администрации вузов и студенчеством, так как это, с одной стороны, позволило снизить нагрузку на университетское правление, а с другой — отвечало интересам студентов, недовольных тем, что судопроизводством занимался исполнительный орган вуза (правление, в состав которого входили ректор и инспектор).

Деятельность Суда регулировалась тремя нормативными актами: 1) Временными правилами от 24 августа 1902 г.; 2) Правилами о взысканиях от 24 августа 1902 г.; 3) Инструкцией дисциплинарному суду от 24 января 1908 г.

За 14 лет деятельности в его состав входил 41 профессор. Из них только восемь профессоров представляли юридический факультет (правда, трое из юристов в свое время являлись председателями Суда). За период с 1902 по 1916 г. Судом было рассмотрено 18 дел в 29 заседаниях. Разбирательства проводились в отношении 214 студентов, 157 из которых подверглись различным взысканиям, а 57 были оправданы.

Дисциплинарный суд являлся одним из элементов университетской автономии, который привнес новые и дополнил утраченные положения Университетского устава 1863 г. В то же время нельзя говорить и о полной независимости Суда, поскольку всех избранных советом университета членов Суда утверждал попечитель учебного округа; приговоры Суда, по которым виновные студенты подлежали увольнению, удалению или ис-

---

⁴¹ Суязов Вячеслав Валерьевич — аспирант СПбГУ.

ключению из университета, вступали в силу только после утверждения их попечителем учебного округа.

Представители Санкт-Петербургского университета внесли значительный вклад в создание и развитие такого вузовского органа поздней императорской России, как дисциплинарный суд.

Э. Бучек⁴². «Свободная торговля или протекционизм: концепция таможенной политики Российской империи». К XIX в. таможенная политика Российской империи принимает запретительный характер (тариф 1791 г.). Причиной послужил возросший вывоз российской монеты за границу, грозивший расстройством финансов. После заключения Священного союза таможенный тариф изменялся в 1816, 1819, 1822 и 1824 гг. Эти изменения оказывали гнетущее воздействие на русскую промышленность. В 1841 г. пошлины снова увеличиваются, запреты остаются в силе. В 1850 г. запреты заменяются пошлиной, а в 1857 г. создается довольно льготный тариф, в котором пошлины понижаются в три-четыре раза. В 1863 г. этот процесс усилился. Превышение ввоза товаров над вывозом испугало финансовых деятелей, строго придерживавшихся идей меркантилизма, и вызвало увеличение таможенного обложения. По тарифу 1868 г. пошлины взимались золотом (до этого — кредитными билетами), что увеличивало пошлину на 30 % по сравнению с курсом того времени. В 1880-х гг. пошлина увеличилась еще на 10 %. Протекционизм отразился и на тарифе 1891 г., когда пошлиной был обложен ввоз сырых (преимущественно горнозаводских) товаров. Протекционизм, насчитывающий сотни лет своего существования, глубоко укоренился в России, а также в Европе и Америке и стал единственным направлением русской экономической политики. В чем же заключается сила протекционизма, которого ни время, ни вековая борьба ученых не могли одолеть? В термине «протекционизм» никто не найдет ничего предосудительного, и его сущность — «поощрение национальной промышленности» — согласуется с патриотическим чувством. По убеждению Д. И. Менделеева, таможенное обложение увеличивало цены товаров временно, защитное производство вызывало внутреннюю конкуренцию, таможенное обложение приводило к понижению цены⁴³.

Литература

Апель К. О. Этноэтика и универсалистская макроэтика: противоречивость или дополнительность? // Политическая мысль. 1994. № 4. С. 85–92.

Козлихин И. Ю. Оправдание государства. Некоторые мысли, возникшие во время чтения работ Леонида Соломоновича Мамута // Государство: многомерность восприятия. К 80-летию профессора Л. С. Мамута / под ред. Л. Е. Лаптевой. М.: Институт государства и права РАН, Nota bene, 2009. С. 11–22.

Лихачев Д. С. Святая Русь // Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. X–XX вв. / сост. С. С. Бычков. М.: Московский рабочий, 1992. С. 6–7.

⁴² Бучек Эльжбета — аспирант СПбГУ (Варшава, Польша).

⁴³ См. об этом: *Соболев М. Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911. С. 808–809.

Малышева Н. И. Государство и индивид в политико-правовом учении Самуила Пуфендорфа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 18 с.

Мамут Л. С. Образ государства как алгоритм политического поведения // Общественные науки и современность. 1998. № 6. С. 85–97.

Острогорски Г. Автократор и самодржац // Глас Српске краљевске академије. Београд, 1935. Т. 84. С. 95–187.

Романов П. Проблемы отдельно взятой личности. От Петра I до «Хезболлах» // РИА «Новости». URL: <http://ria.ru/authors/20060807/52326595.html> (дата обращения: 21.01.2017).

Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1911. 882 с.

Соловьев А. В. Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи // Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья / авт.-сост. Е. А. Бондарева. М.: Вече, 2012. С. 224–233.

Honneth A. Kampf um Anerkennung. Frankfurt a/M.: Polity Press, 1994. 212 s.

Welzel H. Naturrecht und materiale Gerechtigkeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1960. 200 s.

References

Apel K. O. Etnoetika i universalistskaia makroetika: protivorechivost' ili dopolnitel'nost'? [Conflict or cooperation between universal macro ethics and ethno etics]. *Politicheskaja mysl'* [Political Idea], 1994, no. 4, pp. 85–92. (In Russian)

Honneth A. *Struggle for recognition*. Frankfurt a/M., Polity Press, 1994. 212 p.

Kozlihin I. Yu. [About justification of the state. Some ideas I had after I had been reading papers of Leonid Mamut]. *Gosudarstvo: mnogomernost' vospriiatii. K 80-letiiu professora L. S. Mamuta* [The state: multidimensional of perception. For the 80th anniversary of professor L. S. Mamut]. Ed. by L. E. Lapteva. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN, Nota bene Publ., 2009, pp. 11–22. (In Russian)

Lihachev D. S. [The Holy Russia]. *Zhizneopisaniia dostopamiatnykh liudei zemli Russkoi. X–XX vv.* [Memorable bibliographies of the Russia. 10th–20th centuries]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1992, pp. 6–7. (In Russian)

Malicheva N. I. *Gosudarstvo i individ v politiko-pravovom uchenii Samuila Pufen-dorfa*. Avtoref. dis. kand. iurid. nauk [State and individual in Samuil Pufendorf political-legal research. PhD diss. abstract]. St. Petersburg, 2005. 18 p. (In Russian)

Mamut L. S. *Obraz gosudarstva kak algoritm politicheskogo povedeniia* [The state pattern as algorithm of political behavior]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Now Days], 1998, no. 6, pp. 85–97. (In Russian)

Ostrogorski G. Autocrat and self-sustainer. *Glas Srpske kraљevske akademije*. Beograd, 1935, vol. 84, pp. 95–187. (In Serbian)

Romanov P. Problemy otdel'no vziatoi lichnosti. Ot Petra I do «Khezbollah» [Personal problems. From Peter the First till «The Hesballah»]. *RIA «Novosti»*. Available at: <http://ria.ru/authors/20060807/52326595.html> (accessed: 21.01.2017). (In Russian)

Sobolev M. N. [Russian tax policy in the second half 19th century]. Tomsk, Tipo-lit. Sib. t-va pech. dela Publ., 1911. 882 p. (In Russian)

Soloviev A. V. [The Holy Russia. Review of the religious-social ideas developing]. *Pax Rossica. Russkaia gosudarstvennost' v trudakh istorikov zarubezh'ia* [Pax Rossica. Russian state in research papers of the overseas historians]. Moscow, Vechе Publ., 2012, pp. 224–233. (In Russian)

Welzel H. *Natural law and justice*. Goettingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1960. 200 p.